

Пруды и мельницы на реке Пехорке. К истории города Балашихи и села Никольско-Трубецкого (XVII в.)

Цель этого очерка — попытка восстановить хронологию и обстоятельства появления сформировавших водный антропогенный ландшафт Балашихи мельничных плотин и прудов в верхнем течении реки Пехорки, пополнив историографию края сведениями о хозяйственном назначении этих гидротехнических сооружений, датировке их строительства и именах людей, принимавших участие в строительных работах в XVII в.

Первая водяная мукомольная мельница на Пехорке в черте современной Балашихи появилась в период 1552—1573 гг. в деревне Остеево, которая в XVI—XVII вв. стояла на левом берегу реки, напротив того места, где в XIX в. возникла Балашинская мануфактура (в створе современных улиц Крупешина и Заречной). В документах второй половины XVII в. мельница называлась Чудовской, а после отмежевания деревни от вотчины Чудова монастыря в дворцовое ведомство — Малой Пехорской. На плане царствующего града Москвы 1763 г. она была обозначена под названием Блошиха¹. Примерная датировка ее строительства установлена нами на основании сопоставления текстов писцовых книг XVI в. Если год постройки этой мельницы определяется лишь с двадцатилетней погрешностью, то хронологию возведения объектов в ближайшем ее окружении — плотин и прудов, мельниц, пасеки, церкви, о которых пойдет речь в этом очерке, можно реконструировать с календарной точностью.

Наиболее раннее из сохранившихся описаний деревни Остеево в составе вотчины Чудова монастыря в Пехорском стане Московского уезда относится к 1552 г. Оно воспроизведено Семеном Васильевичем Колтовским и Анисимом Ильиным в 1623—1624 гг. по сотной грамоте Федора Васильевича Старкова и Ивана Борисовича Федцова от мая 1552 г. Согласно сотной, деревня Остеево, давшая свое название Остееевскому концу Пехорского стана, имела шесть крестьянских дворов: Михаила Никитина, Никиты Михайлова, Петра Лукьяновича Киреева, Ильи Андреева, Ивана Титова и Ерофея Новоприходца. Деревня соседствовала с пустошью Быково на Пехорке и была окружена пашнями — как вспаханными, так и поросшими лесом. Подробное описание, указывающее замеры прилегающих земель и количество копен сена, не содержит, однако, каких-либо сведений о мельнице в этой деревне², в то время как наличие мельниц в крестьянских хозяйствах указывалось Старковым и Федцовым повсеместно. Такие указания были обязательны в

связи с тем, что мельницы облагались податью — оброком либо тяглом, уплачиваемым в деньгах на основе оценки производительности. Оброчные обязательства возлагались в т.ч. и на монастырские мельницы. Отсутствие упоминания мельницы в сотной однозначно свидетельствует о том, что и самой мельницы в Остееово в мае 1552 г. еще не существовало.

В писцовой книге 1573—1574 гг. Остееово, названное сельцом, упомянуто в составе Васильцева стана. По мнению исследователя С. З. Чернова, Остеево попало в описание соседнего стана только потому, что являлось частью Чудовской вотчины с центром в селе Черкизово Васильцева стана, тогда как фактически находилось в Пехорском стане, что подтверждается чертежами второй половины XVII в.³ Возможно, вопрос об административных границах станов Московского уезда в XVII в. требует дополнительного изучения, поскольку, согласно писцовой книге 1623 г. Лаврентия Кологривого и подьячего Дружины Скирина, за Васильцевым станом числился и приселок Никольское⁴, в то время как соседнее с ним село Пехра-Покровское оставалось в Пехорском стане. Возможно, и это обстоятельство также объясняется тем, что село Измайлово, к которому Никольское было приписано, относилось к Васильцеву стану. Однако, обозначенная на чертежах и относимая С. З. Черновым к Пехорскому стану деревня Горенки (в составе современной Балашихи), в XVII в. принадлежавшая боярину князю Григорию Сунчалеевичу Черкасскому, числилась за Васильцевым станом еще до приписки ее к тому же Измайлово⁵.

Именно в писцовой книге 1573—1574 гг. мельница в сельце Остееово упомянута впервые⁶. Таким образом, можно утверждать, что мельница была построена в период между появлением двух описаний сельца, т.е. не ранее 1552 и не позднее 1573 г. Предполагать наличие на этом месте более ранней водяной мельницы, информация о которой могла бы не дойти до наших дней, не приходится. По замечанию Б. А. Рыбакова, крупные мельничные жернова археологически одинаково неизвестны на территории Московского государства ни для домонгольской, ни для послемонгольской эпохи⁷. Лишь к концу XV в. возросла потребность в жерновах для крупных водяных мельниц. При этом в подмосковных деревнях не теряли значения ручные жернова, являвшиеся принадлежностью каждого крестьянского хозяйства. Один комплект ручных жерновов приходился на 1—2 двора⁸.

В начале XVII в. эффективность управления чудовской вотчиной оставляла желать лучшего. Плотина отсутствовала, в работе мельницы на протяжении 100 лет использовалось естественное течение реки или не изменившая пойменного ландшафта небольшая искусственная запруда, т.е. производительность мельницы была невысокой. Деревни, заброшенные населением, превращались в пустоши. В свою очередь, пустоши могли быть отданы архимандритом (настоятелем монастыря) в аренду на целые

десятилетия. Случалось, при этом, что правоустанавливающие документы утрачивались, и возвращение пахотных участков в вотчинное землевладение сталкивалось с большими трудностями. Правая грамота 1647 г., подлинник которой не сохранился, дошедшая о нас в публикации 1863 г., выпущенной в Киеве профессором-правоведом А. А. Федотовым-Чеховским, содержит многочисленные выдержки из уже упомянутых нами сотной грамоты Старкова и Федцова и писцовой книги Колтовского и Ильина. Документ описывает судебный процесс, начавшийся 12 (22) июня 1643 и завершившийся 9 (19) января 1647 г. Правая грамота представляет собой список со всего судного дела и дана Чудову монастырю на три его вотчинные пустоши: Круглицино, Нестерово и Жуково (она же — Крюково). Все три — бывшие деревни Осташевского конца Пехорского стана. Точное местоположение последней известно по чертежам второй половины XVII в. Эти угодья (три пустоши) были отданы в 1622 г. дьяку Максиму Матюшкину на 20 лет. За столь продолжительный срок у монастыря сменился архимандрит, утерялась из монастырской казны подтверждающая сделку запись, и умер Матюшкин. Его сын, Федор, воспользовавшись неразберихой, решил не возвращать земли монастырю, удержав их в своем владении под названиями других пустошей, владельцем которых с 1619 г. действительно был дьяк Максим Матюшкин, но расположенных не в Осташевском конце: Шеляпино, Кор(а)молино и Кокино. Лишь спустя год по истечении срока договора дело дошло до суда, а затем три с половиной года рассматривалось судом и, хотя благополучно разрешилось в пользу монастыря, является примером неэффективного управления чудовской братией своими землевладениями и, безусловно, ценным памятником истории нашего края. Последнее упоминание деревни Осташево относится к 1668 г. (подробнее об этом расскажем ниже).

Живописным ландшафтом запруженной поймы Пехорки, дошедшим без существенных изменений до наших дней, Балашиха обязана хозяйственным начинаниям царя Алексея Михайловича, включившего эти земли в свое обширное фермерское хозяйство с центром в селе Измайлово — подмосковной родовой вотчине бояр Романовых, расположенной на Стромынке по обеим сторонам рек Измайловки (или Робки; ныне — Серебрянки) и Хоруговки (ручей, правый приток Серебрянки). Главным источником информации об измайловском хозяйстве, содержащей, в числе прочего, хронологически точные сведения о сооружении интересующих нас плотин и прудов на Пехорке, является архив Тайного приказа — фактически личной канцелярии государя. Вместе с тем, этот прекрасно сохранившийся, систематизированный и опубликованный в начале XX в. источник совершенно выпущен из внимания нашими краеведами.

В период царствования Алексея Михайловича измайловская ферма с приселками и пустошами представляла собой обширную хозяйственную

группу, отличавшуюся высокой производительностью и сложным бюджетом. Дворцовое хозяйство включало в себя расчистные поля (возделанные на расчищенных от леса территориях); сады и огороды — регулярные, аптекарские, виноградные, тутовые, ореховые, плодовые (яблоневые, грушевые, слиновые и т.д.); дворы — скотные, конюшенные, птичьи, льняные, житные, сенные, запасные; пасеки, винокурню, пивоварню, маслобойню, стеклянный завод и обширные лесные угодья. Окружающие Измайлово леса и рощи были заповедны: никто не смел рубить в них без царского указа под страхом жестокого наказания. Сугубо хозяйственное значение имело и освоение рек. Так, в бассейнах Измайловки и Пехорки было устроено в общей сложности 37 прудов⁹ для разведения рыбных ресурсов (в каждом из прудов разводилась рыба определенных видов). Все пруды имели собственные названия, три из них находились в пехорском бассейне: Николаевский (Никольский) — на левом притоке Пехорки, реке Маланенке (современное название — Малашка; пруд не сохранился) и два Пехорских пруда, хорошо известных балашихинцам. На измайловских плотинах было поставлено семь мельниц; в качестве восьмой прибавилась старая мельница на Пехорке, когда деревня Остееvo из чудовской вотчины перешла в дворцовое ведомство. О трех мельницах: Никольской и двух Пехорских расскажем подробно.

Никольское вместе с селами Черкизово и Ивановское было закреплено за Измайловым еще со времени царствования первого царя из дома Романовых, Михаила Федоровича¹⁰. Топонимы Никольское и Николаевское (Николаевский приселок) употреблялись в документах середины XVII в. одновременно. По избрании на царство Михаил Федорович поселил в Измайлово четыре слободы крестьян, переведенных из других дворцовых вотчин. В 1663 г. Алексей Михайлович последовал примеру отца, населяя крестьянами прилегавшие к Измайлову пустоши, выкупая или обменивая эти земли у Чудова монастыря и частных землевладельцев. Прежде чем к дворцовому селу отошла вся пойма Пехорки между двумя дорогами, Стромынкой и Владимиркой, от села Никольского до села Яковлевского, принадлежавшего боярину М. А. Голицыну, межевая картина выглядела следующим образом. Чудовская вотчина вклинивалась большим участком поймы в дворцовые земли. Если Никольское, стоявшее на Маланенке, и пустошь Меленки на Пехорке, южнее Остееvo, числились за дворцом, то русло Пехорки от Стромынки до Меленок, устье Маланенки и деревня Остееvo с мельницей принадлежали монастырю.

Административное устройство измайловской группы отражало в себе хозяйственную подчиненность ее составных частей. Административным центром всегда являлось село, независимо от численности населения, но при условии, что в нем было заведено дворцовое хозяйство. Соседние села и деревни назывались «приписными» и играли вспомогательную роль. Не имея

хозяйственного значения, такие приселки и в административном отношении ставились в подчиненное положение. Приселок или приписаное село могло «повыситься», если становилось местом чрезвычайных хозяйственных операций. Именно такое значение и приобрело Никольское, ставшее резиденцией особого приказчика, когда там начала строиться государева мельница¹¹. Никольское, с появлением в нем церкви (в 1667 г.), приобрело официальный статус села, тогда как близлежащая деревня Остеево, напротив, окончательно утратила свое административно-хозяйственное значение.

Представителем приказной власти в Никольском стал подьячий Тайного приказа Петр Степанович Кудрявцев. Штат приказа состоял из дьяка и примерно 15 подьячих. В своем роде старшие подьячие, которым поручалось самостоятельное исполнение поручений, становились управляющими целых хозяйственных отраслей, заводов, торговых предприятий. Таких было не более 9 человек, одним из которых был и Кудрявцев, курировавший, в числе прочего, дворцовый Аптекарский двор.

6 (16) октября 1664 г. по указу великого государя Кудрявцев был отправлен в Никольское «для плотинного дела»¹². Строительство мельничного амбара на Маланенке началось 12 (22) декабря. Мельница была трехпоставной: 21 (31) января 1665 г. для возводимой мельницы Кудрявцев закупил три пары жерновов¹³, а 1 (11) марта — кровельный тес¹⁴. 23 января (2 февраля) 1665 г. к мельничному и плотинному делу приступил подмастерье Тимофей Клементьев по прозвищу Черкашенин¹⁵ (так именовались выходцы из Днепровского Левобережья). Одновременно с возведением мельницы в Никольском под руководством Кудрявцева развернулось пасечное хозяйство. 6 (16) ноября 1665 г. пасечники Андрей Кураксин и Аверкий Звягин доставили из Белгорода пчел¹⁶. В ведомостях сохранились имена всех никольских пасечников. Это Андрей Кирашин (судя по его жалованию, он был среди них старшим), Семен Михалевский, Артамон Воротынцев, Емельян Гордеев. С Украины «пришел» в Никольское работать пасечником Федор Алексеев¹⁷.

В строительстве измайловских мельниц принимали участие иностранные инженеры: плотинных и мельничных измайловских дел мастер Якуб Янов и главный механик, полковник Густав Фанкампен. Фамилия последнего транскрибируется в разных источниках по-разному: Фанкампен, Фанканпен, Фан-Кампен, фон-Кампен и др. Исследователем Н. С. Стромиловым (1842—1895) Фанкампен указан (полагаем, ошибочно) как англичанин Густав Деккемпин¹⁸. Вероятнее всего, Фанкампен имел немецкие корни (фамилия с приставкой «von», произносимой как [fon]) или нидерландские (с приставкой «van», после глухих согласных произносимой как [fan]). Нами установлено, что Густав Фанкампен скончался в Москве за месяц до смерти царя Алексея Михайловича, не позднее 23 декабря 1675 г. (2

января 1676 г.). В этот день из Тайного приказа его жене были выданы деньги на помин мужа¹⁹.

Начальной датой строительства пехорских мельничных плотин и образованных ими прудов в черте будущей Балашихи следует считать 13 (23) мая 1665 г., когда великий государь Алексей Михайлович издал указ, возымевший для современного города, без преувеличения, историческое значение. Согласно указу, ниже мельничной плотины, строившейся в Никольском, требовалось сделать еще один пруд (каскад из двух последовательно расположенных прудов на Маланенке хорошо виден на чертежах второй половины XVII в.). Одновременно с этим Алексей Михайлович распорядился «на пустоши в Меленках, на речке Пехорке, вновь же построить мельницу»²⁰. Заметим, что топоним Меленки, где надлежало появиться Пехорской мельнице, был настолько распространен, что дополнение «пустошь на речке Пехорке» в связке с Меленками в записях Тайного приказа было вовсе не лишним: Меленками называлась и небольшая деревня в Измайлово, рядом с которой, на реке Робке, также был устроен пруд и поставлена мельница.

Управляющим большого строительства на Пехорке выступил Петр Кудрявцев. 14 (24) мая, на следующий день после выхода указа, на строительство Пехорской плотины были выделены первые деньги. В дальнейшем финансирование производилось регулярно, по мере продвижения дела, что говорит об отсутствии заранее принятой сметы. 16 (26) мая работы начались. К строительству «уговорились» привлекать наемных работников со своим инструментом, и первым из них стал крестьянин-тяглец Дмитровской сотни Дмитрий Григорьев²¹, а весь штат строителей составил со временем 14 человек²². Имена некоторых из них сохранились в расходных ведомостях. Это плотник, крестьянин деревни Кожухово Галицкого уезда Костромской губернии Михаил Давыдов, и крестьянин деревни Пятинская Демка (Демид или Демьян, по другим сведениям — Михаил) Максимов с товарищами²³. 10 (20) декабря для Пехорской мельницы закупили жернова²⁴. Пехорская мельница была задумана крупнее и производительнее Никольской, ее сделали четырехпоставной, т.е. с четырьмя парами жерновов. 7 (17) января 1666 г. с подрядчиками был произведен окончательный расчет²⁵.

В приходно-расходных записях не фиксировались даты окончания строительства объектов, однако, ориентируясь на даты последних расходных операций, можно с уверенностью полагать, что мельничная плотина в Никольском была закончена летом 1665, а Пехорская мельница заработала к лету 1666 г: 23 мая (2 июня) 1666 г. из Севска (ныне Брянская область) на Пехорскую мельницу прибыл мельник Степан Кузьмин (Черкашенин)²⁶. Имени второго мельника установить не удалось, известно лишь, что родом тот был из Белгорода²⁷.

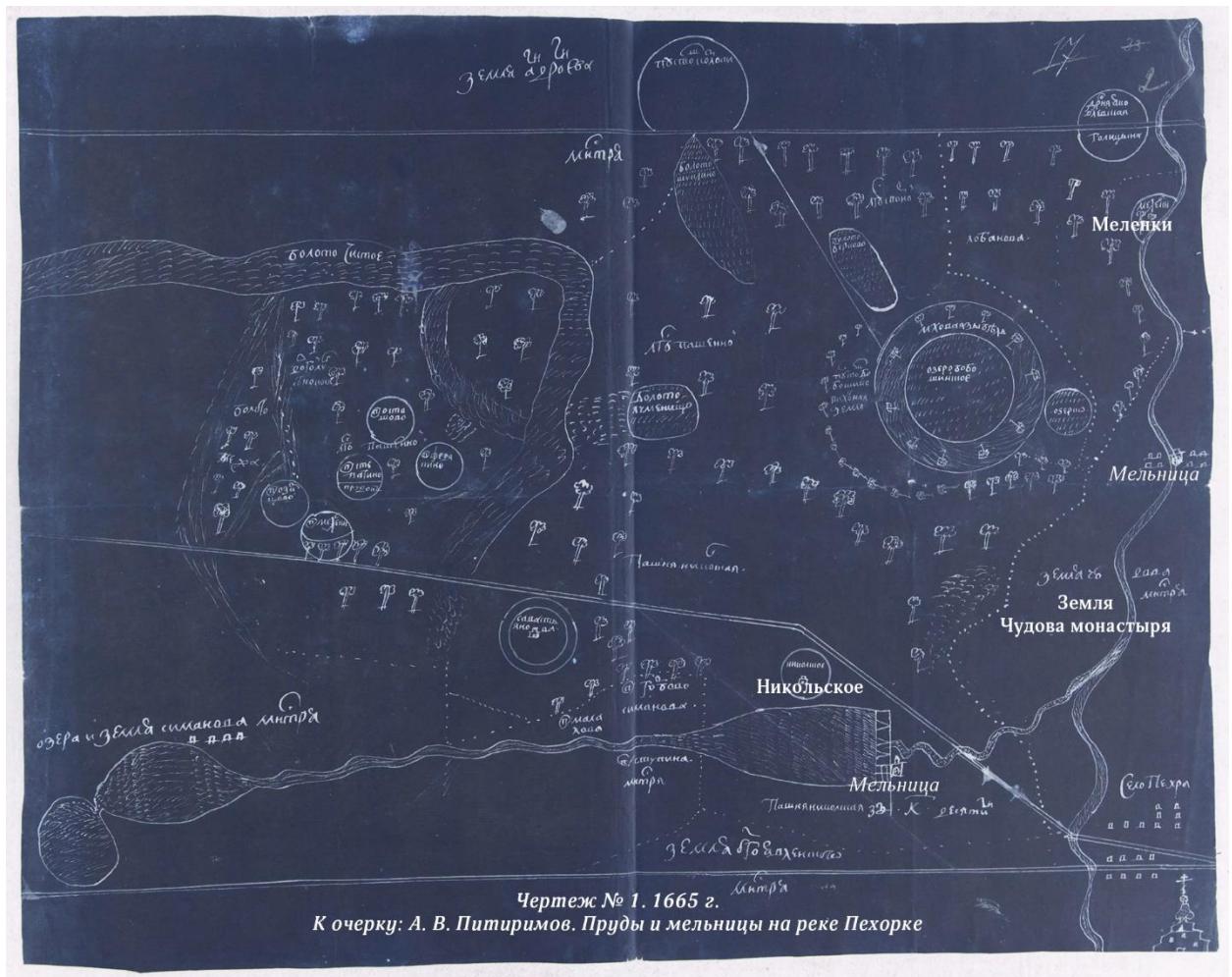
Здесь следует привести одно важное обстоятельство: плотины двух Пехорских мельниц строились одновременно. Параллельно со строительством Пехорской плотины (будущей Гущенки) на Пехорке возводилась плотина и у Чудовской мельницы в деревне Остеево. Пехорка в Остеево все еще принадлежала чудовской вотчине, однако о том, что и там выполнялись строительные работы, свидетельствует запись, сделанная в приходно-расходных книгах Тайного приказа от 19 (29) ноября 1665 г. — о выплате денежной надбавки подмастерью Черкашенину Тимофею Клементьеву (строителю мельницы в Никольском) и плотникам на Пехорские мельницы (во множественном числе). На чертежах конца XVII в. оба пруда — у Чудовской и Пехорской мельниц — также появились одновременно. Пруд у Чудовской мельницы, получившей в это время название Малой Пехорской (будущей Блошихи), официально был включен в прудовое хозяйство измайлловской группы в 1668 г., однако мы полагаем, что фактически это произошло двумя годами ранее, со строительством там плотины. Об отмежевании от чудовской вотчины с целью перевода в дворцовое ведомство деревни Остеево (в документах Остеево вновь стало называться деревней, а не сельцом), а также пустошей Грудцыно и Назарово, находившихся на противоположном берегу Пехорки, в описи дел Тайного приказа, переданных в 1676 г., после его упразднения, в Посольский приказ, сохранились отдельные записи (среди «всяких писем, что взяты у Микиты Зюзина»), датируемые 1668 г. Поиск межей выполнял дьяк Тайного приказа Федор Михайлов²⁸. Опись переписной книги от того же, 1668 г. (в рамках описи дел, переданных в Посольский приказ в 1680 г.) содержит, по всей видимости, последнее упоминание деревни Остеево с «мельницей на речке Пехорке»²⁹. Вместе с деревней Остеево в ведение Тайного приказа была отмежевана и пустая деревня Горенки, принадлежавшая князю Г. С. Черкасскому, выкупленная у него за 500 рублей³⁰.

Административный статус Николаевского приселка укрепился со строительством церкви — Никольское стало селом. 18 (28) марта 1667 г. плотник Иван Копыл с товарищами подрядился на строительство церкви Николая Чудотворца. Церковь о трех главах, что подтверждается и записями, и чертежами XVII в., с паянными белым железом крестами, насколько можно судить по расходным ведомостям, была довольно просторной: имела пять дверных и пятнадцать оконных проемов³¹. 15 (25) декабря 1667 в Никольское отправился на наем священника и диакона уставщик Федор Каверин³².

Хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов чертежи Николаевского приселка наглядно иллюстрируют хронологию становления пехорского водного хозяйства XVII в. Таких чертежей пять, и датированы они специалистами архива и исследователем С. З. Черновым (три из пяти, им опубликованные) весьма приблизительно. Подразумевая уже

известные нам факты и обстоятельства строительства плотин, церкви и межевания земель, предпримем попытку установить их более точную датировку.

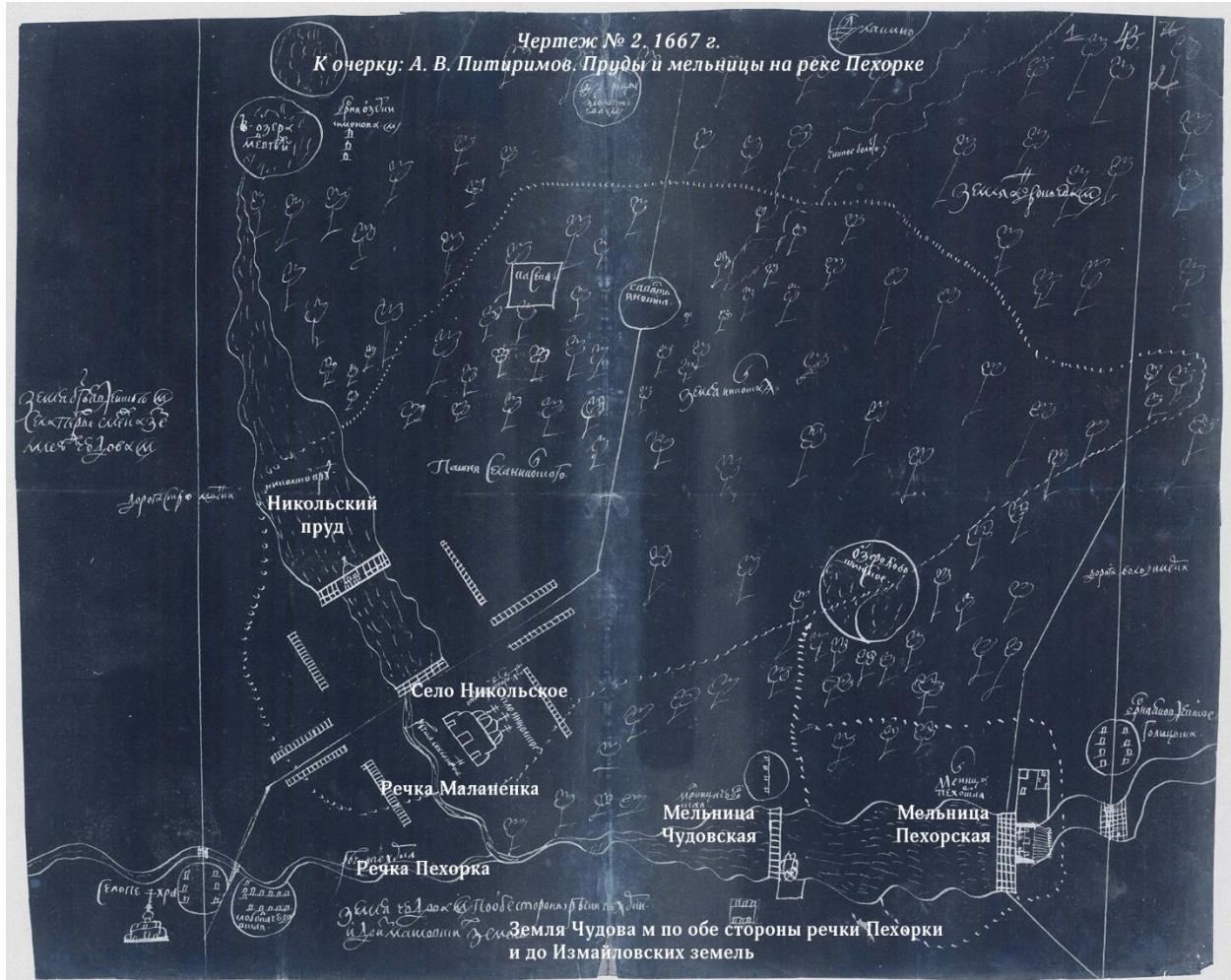
Чертеж № 1. План местности между землями Андроньева, Симонова, Богоявленского и Чудова монастырей³³. Специалистами РГАДА не датирован. С. З. Черновым датируется 1670—1680 гг.³⁴ Наша датировка: 1665 г.

Илл.: Чертеж № 1.

На чертеже изображен сформированный Никольский пруд на Маланенке (без каскада) с плотиной и мельницей постройки 1665 г. На Пехорке отмечена мельница (XVI в.), земля под ней принадлежит Чудову монастырю (до 1668 г.). Плотина, построенная у Чудовской мельницы в 1666 г., отсутствует. На пустоши Меленки плотина и мельница постройки 1666 г. также отсутствуют. Соответственно, отсутствуют и пруды. Таким образом, точная дата создания чертежа — 1665 г.

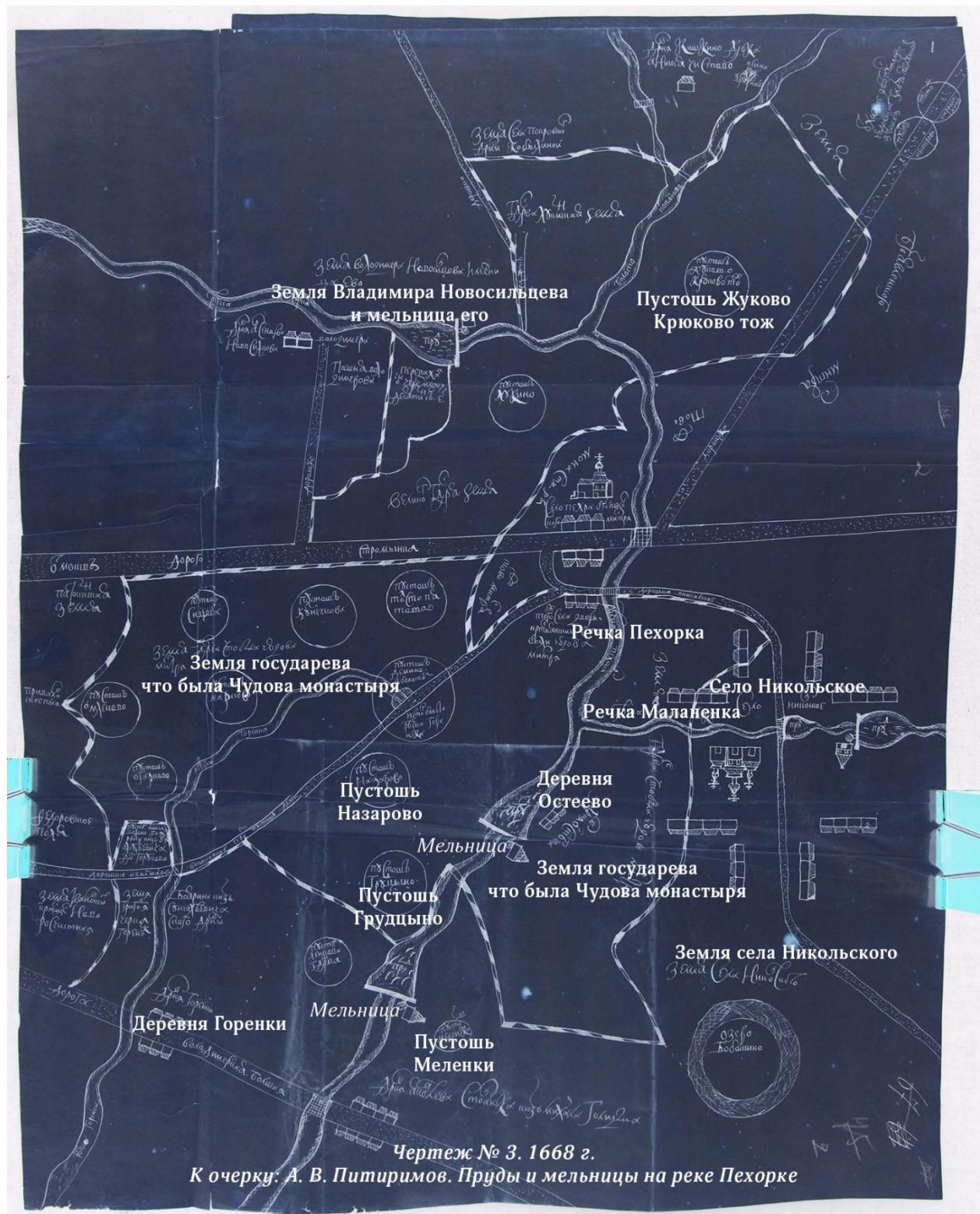
Чертеж № 2. План местности между землями Андроньева, Симонова, Богоявленского и Чудова монастырей³⁵. Специалистами РГАДА не датирован. С. З. Черновым датируется 1670—1680 гг.³⁶ Наша датировка: 1667 г.

Илл.: Чертеж № 2.

Чертеж полностью завершенного хозяйственного комплекса: на Маланенке изображен каскад из двух прудов (1665 г.); в Никольском — трехглавая церковь 1667 г. постройки; на Пехорке — два пруда (1666 г.) и мельницы: Чудовская (XVI в.) и Пехорская (1666 г.). Отмечено, что земля у мельницы Чудовской по обе стороны Пехорки принадлежит Чудову монастырю (что было актуальным до 1668 г.). Следовательно, чертеж соответствует фактической картине, сложившейся на 1667 г.

Чертеж № 3. План местности по Большой Стромынской дороге между деревней Горенки на Большой Владимирской дороге, озером Бобошиным, землей Богоявленского монастыря и землей Вл. Новосильцова³⁷. Специалистами РГАДА датирован 1658—1668 гг. С. З Черновым — 1670—1680 гг.³⁸ Наша датировка: 1668 г.

Илл.: Чертеж № 3.

Наиболее подробный, тщательно выполненный чертеж фиксирует деревню Остоеево, пустоши Грудцыно, Назарово и деревню Горенки, примежеванные к государевым землям в 1668 г. Полагаем, что чертеж отражает результаты произведенного межевания и выполнен в том же году. Пояснительная надпись: «Земля государева, что была Чудова монастыря» подтверждает нашу гипотезу.

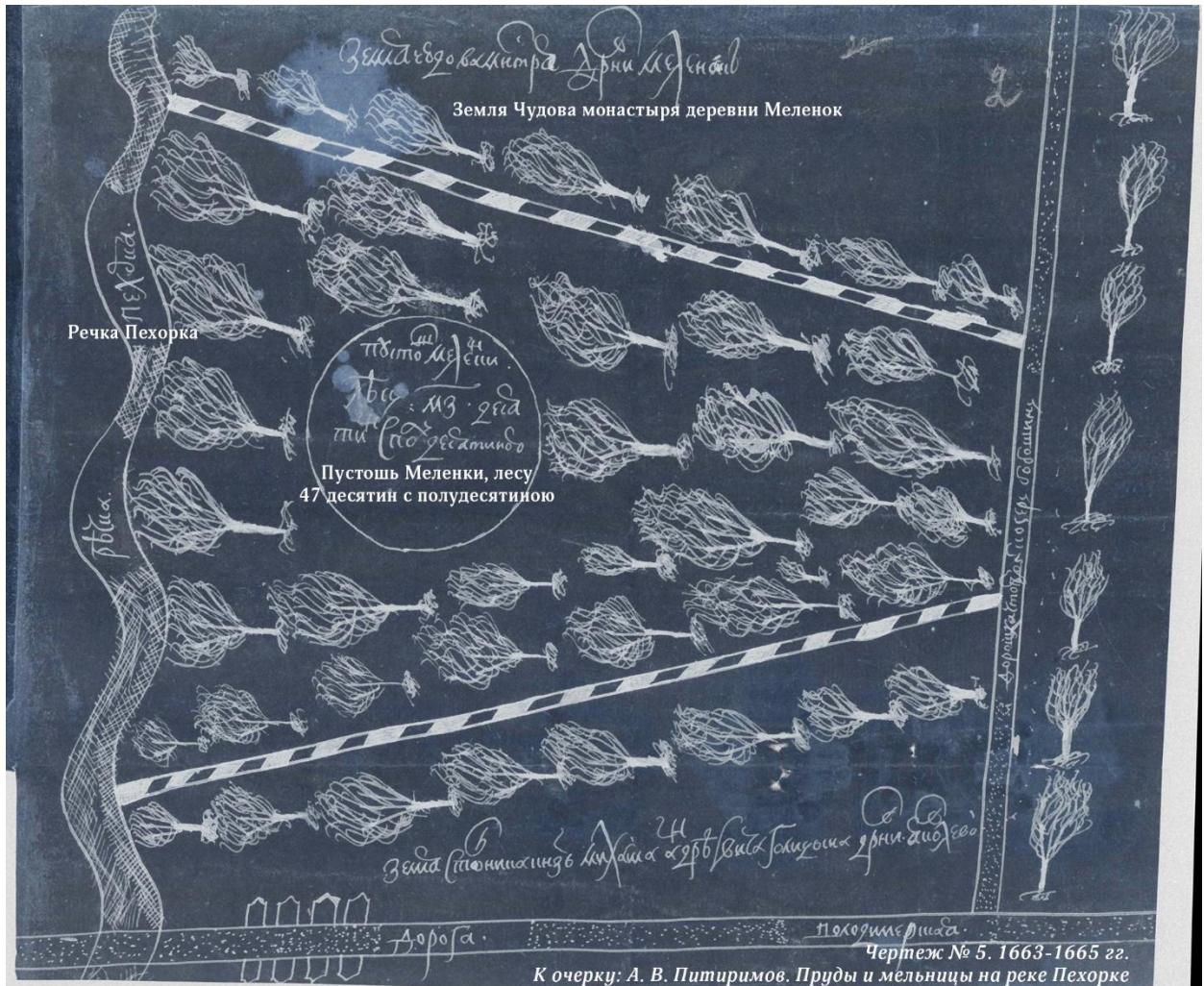
Чертеж № 4. План пустоши Меленки³⁹. Датирован РГАДА 1663—1668 гг. Наша уточняющая датировка: до 1663—1665 гг.

Илл.: Чертеж № 4.

Отсутствие на Пекорке мельничной плотины на пустоши Меленки (построена в 1666 г.) позволяет сместить конечную дату интервала датировки на 1665 г.

Чертеж № 5. План пустоши Меленки⁴⁰. Датирован РГАДА 1658—1668 гг. Наша датировка: 1663—1665 гг.

Илл.: Чертеж № 5.

Чертеж, аналогичный предыдущему, однако обращает на себя внимание надпись: «Земля Чудова монастыря деревни Меленок». Поясним, что Меленки, а также Новиково и Новинки, были вариантами названия деревни Остеево, которые «по умолчанию» переносили из одного межевого описания в другое, начиная с упомянутой в нашем очерке сотной Старкова и Федцова 1552 г.

Полагаем, что начальной датой интервала датировки следует считать 1663 г. (как датирован РГАДА и предыдущий чертеж), поскольку в этом году начала функционировать дворцовая ферма царя Алексея Михайловича. Как и на предыдущем чертеже, здесь отсутствует мельничная плотина, построенная в 1666 г., что позволяет сместить конечную дату интервала датировки на 1665 г.

Эксперименты Алексея Михайловича в области сельского хозяйства, обусловившие бурное развитие Николаевского приселка, продлились всего десять лет с момента начала освоения пехорских земель. Сохранился довольно любопытный доклад царю о том, какие ближайшие задачи были на очереди накануне 1676 г. по управлению Измайловым с приписанными к нему селами и деревнями. Задачи были такие. Из перевезенных на вечное житье в 1663 г. в Измайлово и его слободы и приселки крестьян 693 семьи разбежались, в связи с чем требовалось послать сыщика, чтобы он сыскал беглых и вернул их в Измайлово. Государь указал высыпать крестьян Карамышевской волости на работы в Измайлово, но крестьяне эти приходили в небольшом количестве, работали «с великою ленью» и самовольно уходили до положенного срока; в докладе предлагалось приписать крестьян Карамышевской волости к Измайлову, как ранее были приписаны крестьяне других волостей и сел, и обложить их оброком⁴¹. На моловшей рожь Пехорской мельнице предлагалось выстроить скотный двор, а главное — винокурню. «А буде на Пехорской мельнице скотного двора не построить, то на тех вышеписанных полях впредь хлеба сеять будет не для чево, потому что земля худа гораздо»⁴². Что же касается винокурни, то к этому времени колоды для вина были уже заготовлены. «А каковы места под скотный двор и винокурню, тому чертеж учинен будет по весне, а ныне б великий государь на тот скотный двор и винокурню указал готовить леса, а на котельное дело указал бы великий государь дать медь ныне ж, чтоб скотный двор и винокурню и котлы сделать исподволь дешевою ценою, без убытков»⁴³. Этим планам на 1676 г. не суждено было сбыться: 29 января (8 февраля) 1676 г. 46-летний Алексей Михайлович скончался от сердечного приступа. Тайный приказ был расформирован сразу же после его смерти. Проблемы плодородия измайловской фермы были, по разным причинам, неблизки детям покойного государя, включая будущего императора Петра I.

Сохранилось подробное описание пехорского прудового и мельничного хозяйства, сделанное после смерти Алексея Михайловича, по указу великих государей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича (будущего Петра I) и Софии Алексеевны от 8 (18) марта 1687 г. Со времени большого строительства прошло всего 20 лет, когда дворцовое хозяйство, в отсутствие рачительного хозяина, разваливалось в буквальном смысле.

«В приселке Николаевском на речке Маланенке мельница Николаевская, плотина земляная кладена дерном, вся обвалилась; мерою в длину 60 саж., поперек 7 саж., вышиною 2 саж.; слив сосновый; над сливом мост бревенчатый; перед сливом перебойка сосновая, все сгнило и обвалилось. Анбар мельничный деревянный о 2 житья покрыт шатром в 2 теса с скалою, длиною и шириной 4-хъ саж.; в том же анбаре двои жерновы на ходу; <...> в пруде рыба: щуки, лини, окуни, караси.

На речке Пехорке мельница Пехорская большая, плотина земляная мерою в длину 60 саж., поперек 13 саж., в вышину 2 саж.; слив с одну сторону стена дубовая, с другую сторону сосновая; мост дощатый; через слив мост переездный бревенчатый (изображен на чертеже № 2 вместе с проезжей дорогой, обеими концами выходящими на Владимирку; *прим. наше — А.П.*); анбар мельнишный деревянный о дву житьях мерою в длину и в ширину 5 саж.; <...> в том же анбаре четверы жерновы на ходу и в том числе 2 жерновы шириною по $1\frac{1}{2}$ арш., толщиною по чети аршина, одне жернова шириною в 2 арш., без 3-х верш., 4 жернова шириною по $1\frac{1}{4}$ арш., толщиною 2 верш. <...> Перед анбаром свес забран тесом в косяк, анбар и свес покрыты дранью скалою. В пруде рыба: щуки, лини, окунь, караси. Мельнишный двор огорожен с дву сторон заборы в столбы, на нем 2 избы ветхи; перед одною избою сенник, а меж ими сенцы крыты драницами; у одной избы двери на крюках железных; и то все дворовое строенье и избы сгнили и обвалились.

На той же речке малая Пехорская мельница, плотина земляная; анбар, в нем двои жерновы на ходу. <...> К той же мельнице мельнишный двор огорожен кругом бревнами в столбы, свесы крыты дранью; на нем 2 избы; у одной избы сени, двери на крюках железных, ворота створные; избы и сени, и ворота крыты дранью»⁴⁴.

Возвращаясь к Никольскому, заметим, что пришедшее в упадок после смерти Алексея Михайловича плотинное и мельничное хозяйство на Маланенке не восстанавливалось, что привело к исчезновению не позднее середины XVIII в. мельницы, а ближе к концу века — и каскада прудов. По состоянию на 1678 г., в селе стояло 55 дворов, из них 48 крестьянских и 7 церковного причта. К рубежу XVII—XVIII вв. число крестьянских дворов сократилось, по справке Приказа Большого дворца, до 39. Церковный причт бедствовал, не имея доходов с мельниц и собственных крестьянских хозяйств, довольствуясь лишь подаянием. Служителями церкви в этот период были: в 1678 г. священник о. Тимофей Семенов; в 1680 г. — священник о. Варфоломей и диакон Федор Ефимьев; в 1717 г. — священник о. Антип Федоров, диакон Василий Прокофьев и пономарь Алексей Андреев⁴⁵.

Две Пехорские мельницы, Большая и Малая, пережившие кризис, вызванный упадком дворцовского хозяйства в конце XVII в., получили известность уже под новыми именами, ставшими местными топонимами, Гущенка и Блошиха, к середине следующего столетия.

¹ Москва, город, окрестности. План Царствующаго града Москвы с показанием лежащих мест на тридцать верст в округ = План Царствующаго града Москвы с показанием лежащих мест на тридцать верст в округ / Проспект снимал М.М. Махаев. — 1 : 126 000, 1,26 км в 1 см. Граф. м-б в верстах. — [Санкт-Петербург : Акад. наук, 1763]. — 1к. (1 л.) : одноцв., ил., грав.; 80x57 см.

² Книга Московского уезду письма и меры Семена Васильевича Колтовского да подьячего Онисима Ильина лета 7131 (1623) и 7132 (1624) году / Изучаем историю Москвы и Подмосковья. Доклады и

-
- сообщения шестой региональной научно-практической конференции «Проблемы изучения селений Москвы и Подмосковья». Красногорск, 26 сентября 1998 г. / Сост.: Е. Н. Манчульский, З. В. Зубцова, Д. М. Савинов. — Москва, 1999. — С. 250.
- ³ Культура средневековой Москвы. Домен московских князей в городских станах, 1271—1505 годы. Т. 2. / С. З. Чернов., 2005. — С. 62.
- ⁴ Холмогоров, Василий Иванович. Исторические материалы для составления церковных летописей Московской епархии. Вып. 5: Радонежская десятина (Московского уезда). — 1886. — С. 4. *Информация, сообщенная Холмогоровым, о существовании в 1623 г. приселка Никольского, требует уточнения (прим. наше — А.П.).*
- ⁵ Русская историческая библиотека издаваемая Археографическою комиссиою. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1872—1927. Т. 21: Дела Тайного приказа, кн. 1. Т. 21. — 1907. — XI, 94 с., 1756 стб. — Стб. 373.
- ⁶ Писцовые книги Московского государства / под ред. действительного члена Н. В. Калачова. — Санкт-Петербург : издание Императорского русского географического о-ва, 1872—1895. Ч. 1, отд-ние 1: Писцовые книги XVI века. Отд-ние 1. Местности губерний Московской, Владимирской и Костромской. — 1872. — С. 8.
- ⁷ Рыбаков, Борис Александрович (1908—2001). Ремесло древней Руси / Б. А. Рыбаков ; ответственный редактор академик Б. Д. Греков ; Академия наук СССР. — [Москва] : 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1948. — С. 567.
- ⁸ Там же, с. 565.
- ⁹ Русская историческая библиотека издаваемая Археографическою комиссиою. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1872—1927. Т. 21: Дела Тайного приказа, кн. 1. Т. 21. — 1907. — XI, 94 с., 1756 стб. — Стб. 232.
- ¹⁰ Стромилов Н.С. Измайлово : Первая царская ферма в XVII в. — СПб, 1872. — С. 2.
- ¹¹ Заозерский, Александр Иванович. Царь Алексей Михайловичъ въ своеь хозяйстве / Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве / А. И. Заозерский. — Петроград : [б. и.], 1917 (тип. Научное дело). — [2], IV, 352 с.; 25 см. — (Записки Историко-филологического факультета Императорского Петроградского университета; Ч. 135). — С. 51.
- ¹² Русская историческая библиотека издаваемая Археографическою комиссиою. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1872—1927. Т. 23: Дела Тайного приказа, кн. 3. Т. 23. — 1904. — VI, 80 с., 1730 стб. — Стб. 547.
- ¹³ Там же, стб. 581.
- ¹⁴ Там же, стб. 597.
- ¹⁵ Там же, стб. 582, 619.
- ¹⁶ Там же, стб. 724.
- ¹⁷ Там же, стб. 751, 724.
- ¹⁸ Стромилов Н. С., ук. соч.. — С. 5.
- ¹⁹ Дела Тайного приказа, кн. 3. Т. 23. — Стб. 1402.
- ²⁰ Там же, стб. 628.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же, стб. 684.
- ²³ Там же, стб. 720, 732.
- ²⁴ Там же, стб. 730.
- ²⁵ Там же, стб. 732.
- ²⁶ Дела Тайного приказа, кн. 1. Т. 21. — Стб. 1196—1197.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же, стб. 168, 747.
- ²⁹ Там же, стб. 399.
- ³⁰ Там же, стб. 168, 373, 747.
- ³¹ Дела Тайного приказа, кн. 3. Т. 23. — Стб. 835.
- ³² Там же, стб. 834-835
- ³³ РГАДА. Ф. 27. Опустоши 1, деревня 484, ч. 2, № 20.
- ³⁴ Чернов С. З., ук. соч. — С. 86
- ³⁵ РГАДА. Ф. 27. Опустоши 1, деревня 484, ч. 2, № 46.
- ³⁶ Чернов С. З., ук. соч. — С. 88
- ³⁷ РГАДА. Ф. 27, опустоши 1, деревня 484, ч. 2, № 71.
- ³⁸ Чернов С. З., ук. соч. — С. 90

³⁹ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1, д. 484, ч. 2, № 11 верх.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1, д. 484, ч. 2, № 11 низ.

⁴¹ Гурлянд, Илья Яковлевич (1868—не ранее 1921). Приказ великаго государя тайных дел = Приказ великого государя тайных дел / И. Я. Гурлянд, проф. Демид. юрид. лицея. — Ярославль : Тип. Губернского правления, 1902. — С. 170-171.

⁴² Заозерский А. И., ук. соч. — С. 113.

⁴³ Гурлянд И. Я., ук. соч. — С. 171.

⁴⁴ Забелин, Иван Егорович (1820-1908/09). Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. / Соч. Ивана Забелина. — 3-е изд. с доп. Т. 1-. — Москва : т-во тип. А.И. Мамонтова, 1895-1901. — 25. Т. 1: Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Т. 1 [Текст] : Ч. 1. — 1895. — XXIV, 759 с., 6 л. пл. — С. 531—532.

⁴⁵ Холмогоров В. И., ук. соч. — С. 45.